

УДК 821.161.1(092)Мамченко В.А.
ББК 83.3(2=411.2)6-8Мамченко В.А.
DOI 10.25281/2072-3156-2022-19-6-634-646

Н.Н. НОСОВ

КАТЕГОРИЯ СОВЕСТИ В ТВОРЧЕСТВЕ В.А. МАМЧЕНКО (ПО ЗАРУБЕЖНЫМ ПУБЛИКАЦИЯМ)

Николай Николаевич Носов,
Российская государственная библиотека,
научно-исследовательский отдел библиографии,
научный сотрудник
Воздвиженка ул., д. 3/5, Москва, 119019, Россия
ORCID 0000-0001-6079-2677; SPIN 7786-8622
E-mail: Nossov1984@mail.ru

Реферат. Статья посвящена творчеству русского поэта первой волны эмиграции Виктора Андреевича Мамченко (1901–1982), отразившемуся в зарубежных изданиях его сочинений на русском языке. Возвращая культуре и вводя в литературоведческий оборот имя этого ныне полузабытого на родине автора, статья представляет собой первую попытку раскрытия своеобразия творческой мысли В.А. Мамченко, основанную на религиозно-философских и нравственных исканиях поэта. Объектом исследования послужили зарубежные публикации художественных произведений В.А. Мамченко в отдельных книгах и альманахах, издававшихся во Франции и выявленных по каталогам фондов ведущих российских библиотек (Российской государственной

библиотеки, Дома русского зарубежья им. Александра Солженицына). Вспомогательным материалом для исследования послужили воспоминания и отзывы современников В.А. Мамченко. В статье раскрываются ключевые вехи биографии поэта, поспособствовавшие формированию его творческого стиля. Прослеживается эволюция творчества В.А. Мамченко от футуристских тенденций раннего периода к «высокому косноязычию» и растворению в пейзаже среднего и позднего этапов творчества. Рассматриваются основные нравственно-философские, богоискательские, религиозные и мистические категории, которые вобрало в себя творчество В.А. Мамченко, разрабатывавшего их в течение полувека. Одной из ключевых категорий выступает совесть, объединяющая в себе, по мысли поэта, нравственное, философское и религиозное начала и пронизывающая все вехи его творчества. Особое внимание обращается на единичные произведения В.А. Мамченко — статьи, поэмы, поэтические циклы как наиболее структурированные им сочинения. Их хронологическое рассмотрение и сопоставление в контексте основных категорий, выделяемых поэтом (герой, Бог, страх, смерть, совесть, пробуждение), позволяет наблюдать векторный характер

творчества В.А. Мамченко, представляющегося как иллюстрация пути души (движения любви героя) к Богу, где совесть выступает в качестве сопутствующего внутреннего стержня и компаса.

Ключевые слова: русская литература за рубежом, эмиграция, поэты, поэзия, религия, мистика, сон, пробуждение, страх, совесть.

Для цитирования: Носов Н.Н. Категория совести в творчестве В.А. Мамченко (по зарубежным публикациям) // Обсерватория культуры. 2022. Т. 19, № 6. С. 634–646. DOI: 10.25281/2072-3156-2022-19-6-634-646.

Невинны нити всех событий,
Но их не путай, не вяжи,
И чистота, единость нити
Всегда спасет тебя от лжи.

З.Н. Гиппиус [1, с. 270]

Приведенную в эпиграфе строфу З.Н. Гиппиус посвятила Виктору Андреевичу Мамченко (1901–1982 — русскому поэту-эмигранту, которого, по словам К.Д. Померанцева, считала «своим “другом № 1”», говорила, что он ей напоминает святого Иоанна Креста, и посвятила ему поэму “Последний круг”» [2, с. 63]. Упомянутый Иоанн Креста — Хуан де ла Крус (при рождении Хуан де Йепес Альварес; 1542–1591) причислен католической церковью к лику блаженных, почитается «мистическим учителем» и считается выдающимся испанским поэтом. Тяготение В.А. Мамченко к мистицизму отмечает и К.Д. Померанцев [2, с. 65].

В.А. Мамченко (рис. 1) родился в Николаеве. По изложению Ю.Б. Софиева, во время Белого движения он пошел матросом в военный флот и был эвакуирован в Бизерту (Тунис). В начале 1920-х гг. перебрался в Париж, многие годы работал маляром. Вместе с литераторами Ю.К. Терапиано и А.М. Юлиусом выступал одним из инициаторов «Союза молодых поэтов и писателей во Франции». В начале 1930-х гг. был завсегдатаем в воскресном салоне Д.С. Мережковского и З.Н. Гиппиус и постоянным посетителем, возможно, и участником «Зеленой лампы» [3].

Два явления вносят в биографию В.А. Мамченко трагическую ноту, необходимо сообщающую тот живой нерв, без наличия которого поэт зачастую обречен оставаться стихотворцем: страдание и любовь. «В течение многих лет здоровье Мамченко не позволяло ему заниматься физической работой. После войны он перенес операцию, и друзья предполагали, что у него рак прямой кишки» [3]. Кроме того, впоследствии «с ним случился удар, он ли-

шился дара речи, не мог ходить и в таком состоянии, оставаясь со свежей головой, прожил еще пятнадцать лет» [2, с. 61]. «Он жил с Еленой Евгеньевной Люц. Эта женщина всю жизнь работала и всю жизнь поддерживала Мамченко. История этой связи очень странная. Началась она в Бизерте. И началась как обычная любовная связь. У Елены был муж, артиллерийский капитан. В Бизерте они разошлись. Но и с Мамченко официально не считались мужем и женой. В Париже вначале жили в одном отеле, но в разных комнатах. Они никогда не регистрировали брака. <...> У обоих у них была своя личная жизнь, совершенно независимая друг от друга. Но Елена оставалась верным другом больного Мамченко и все время его поддерживала» [3].

В 1924 г. при участии В.А. Мамченко был основан «Союз молодых поэтов и писателей в Париже»¹. С этого времени по 1975 г. в эмиграции В.А. Мамченко создал восемь стихотворных сборников, начиная от рукописного «Паузники» (1924), выдержанного в ключе футуризма, и продолжая печатными сборниками в отмеченном символистском влиянием стиле «незамеченного поколения» поэтов «парижской школы». Это было первое поколение русских поэтов-эмигрантов, уже утративших связь с родиной, но еще не утративших связь с поэтами — выходцами из России предыдущего поколения, преимущественно символистами.

В.А. Мамченко печатался и в крупнейших антологиях своего времени [4, с. 113–114; 5, с. 74–77; 6, с. 175–179; 7, с. 203–207; 8, с. 290–295]. В России произведения В.А. Мамченко остаются неизданными, что диктует актуальность обращения к наследию поэта, чье имя продолжает пребывать в относительном забвении среди широких читательских кругов. Между тем шаги к собиранию сочинений поэта предпринимались, в частности, за рубежом. Так, в фонде Дома русского зарубежья им. Александра Солженицына хранится уникальный конволют [9], в технике ксерокопии выполненный в 2006 г. нью-йоркским меценатом и коллекционером живописи украинского происхождения Ю.В. Манийчуком, связанным с поэтом кровными узами. «В конце 2005 г. моя московская двоюродная сестра, Алла Прусакова, рассказала мне о том, что один из совершенно неизвестных мне двоюродных братьев по материнской линии был прекрасным поэтом русской эмиграции. Имя поэта — Виктор Мамченко <...>. Я начал поиски творческого наследия Виктора Мамченко в двух крупнейших библиотеках Америки — Нью-Йоркской публичной библиотеке и Библиотеке Конгресса США. Результат этих поисков собран в этом томе: 7 поэтических сборников стихов Виктора Мамченко и стихи, опублико-

¹ С 1935 г. — «Объединение писателей и поэтов», просуществовавшее до 1940 г.

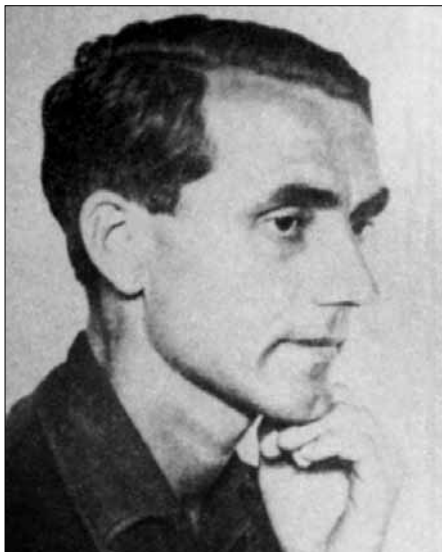

Рис. 1. В.А Мамченко. Париж. 1920-е гг.

Источник: <http://www.studia-vasin.ru/chitaem-antologiyu-russkogo-lirizma-xx-vek-xm-arkhiv-xm/112-chitaem-antologiyu-russkogo-lirizma-khkh-vek/1831/konstantin-yakovlevich-mamontov.html>

ванные Виктором Мамченко в парижских журналах “Числа” и “Круг” в 1930-х гг.», — писал Ю.В. Манийчук [9, с. 2]. Составитель усматривает в своем труде подспорье для будущего собрания сочинений с искренней надеждой, «что стихи и книги русской эмиграции будут переизданы в России» [9, с. 2].

РЕЛИГИОЗНО-ФИЛОСОФСКИЙ КОНЦЕПТ СОВЕСТИ В ПОНИМАНИИ В.А. МАМЧЕНКО

Приведенная в эпиграфе к статье строфа свидетельствует о восприятии автором адресата как непростого в психологическом отношении человека. Подобное восприятие В.А. Мамченко в среде его современников оставалось присуще не только З.Н. Гиппиус, но и другим окружавшим его фигурам. По словам Ю.К. Терапиано, одним из основных мотивов лирики В.А. Мамченко выступает возмущение мировым злом и отсутствие возможности примирения с ним [10, с. 254]. И в то же время «В. Мамченко никогда не стремился что-либо утверждать и проповедовать, как единственную исключительную истину, он был открыт всему, так как главной ценностью в его ощущении является само человеческое сердце» [10, с. 253]. Оба эти полюса — непримиримость к злу и вместе с тем отсутствие склонности к дидактизму — во взаимном слиянии порождают

внутри отдельно взятого человека особый внутренний склад граничащей с совестью личной ответственности не только за собственные деяния, но и за внешние проявления, формально от воли данной личности независимые.

Такое внутреннее ощущение ответственности обретает близкий к религиозному характер, что прослеживается в статье В.А. Мамченко «Движение любви», в силу своей единичности правомочной считаться для поэта программной. Статья появилась в организованном З.Н. Гиппиус и Д.С. Мережковским в 1939 г. свободном сборнике «Литературный смотр» [11, с. 16–22], в предисловии к которому З.Н. Гиппиус так определяла его задачу: «Эта книжка — не обычный сборник; ее основы, условия ее рождения, особенные. Она — первый опыт свободы слова. Каждому участнику дана в ней полная свобода сказать все, что он хочет и как хочет. Сам берет он любую форму, любое содержание и сам — один — за написанное отвечает» [11, с. 5].

Ю.К. Терапиано вспоминает, что «хотя все авторы, каждый по-своему, были полны доброй воли, все же “Опыт свободы” получился не таким, каким его хотела бы видеть Зинаида Гиппиус. <...> Необходимо отметить, что авторы, так или иначе касавшиеся вопроса о христианстве (В. Мамченко, Л. Кельберин и т. д.), подходят к нему совсем не так, как Мережковский и Гиппиус, для них человечность Христа и Его отношение к людям значительнее, чем “Тайна Трех”, наступление “Третьего Завета” и эсхатология. <...> В. Мамченко задет равнодушием человечества к самому высшему и драгоценнейшему, что было в мировой истории, — к явлению Христа. Почему “они” “допустили” тогда, почему посейчас все мы (не те, кто отрицают, а именно те, кто веруют), по существу так же покорны “злу и злым законам жизни”, почему и мы предаем Его на каждом шагу?» [12, с. 137–139].

Основным вопросом статьи В.А. Мамченко «Движение любви» является отношение человека к отделенному от него завесой окружающего зла Богу, а мерилom этого отношения для человека выступает совесть. Пугаясь зла, человек впадает в зависимость от него: «Винovat ли “частный” человек в ужасах жизни, раз он сам гибнет под этим чудовищем? Да, виноват — поскольку подчиняется власти чудовища, поскольку следует его методам, законам — в страхе и покорности» [11, с. 22]. Страх — одна из ключевых тем поэзии В.А. Мамченко, что отмечал А.Л. Бем, находя источником творчества В.А. Мамченко чувство всеохватного мистического ужаса перед жизнью, откуда он стремится вырваться путем словесного оформления и постоянно пребывает в поисках нужного слова, которое помогло бы ему освободиться, но не в силах его подобрать [13]. Впадая в боязнь окружающего зла, человек прибегает к поиску окольных путей: «Человек уклоняется от встречи со своей совестью; для это-

го он придумал достаточно разных иллюзий, которые почитает за единственную и вечную реальность, и где нет ничего от “неочевидностей” Богочеловека. Таким людям легче принять смерть, чем пробуждение от своих “реальностей”. Такие люди не хотят видеть, что зло существовало и все равно будет существовать, если они не перестанут питать его своею жизнью» [11, с. 19–20].

В качестве единственного подлинного пути упразднения охватывающего зла и выхода из его «окружения» В.А. Мамченко усматривает априорное обращение человека к Богу, осуществляемое посредством совести: «Перед совестью достовернее кажется глубина детскости. Но если и смотреть во всю ширь взрослых глаз, видно, нам особенно, что нет иных путей, нет иных истин спасения для человека, как в Сыне Человеческом — Сыне Божьем» [11, с. 19]. Человек боится зла, но вместе с тем боится и совести, так как она заставляет его столкнуться в непосредственном противоборстве с внушающим ужас злом, но других путей нет, и невозможно их измыслить. Таким образом, движением любви, по мысли В.А. Мамченко, выступает противопоставление человеческой совести окружающему злу — не гипотетическое движение Бога к человеку (отмечавшееся Ю.К. Терапиано применительно к богоискательству З.Н. Гиппиус и Д.С. Мережковского), а устремление человека к Богу. По словам Н.А. Оцу-па, «стихи Мамченко — живой след одной из очень своеобразных биографий того существа, которое люди духовного опыта называют “человеком внутренним”» [14, с. 223].

Писатель-эмигрант А.В. Алферов (1903–1954) приводит строки В.А. Мамченко в качестве эпиграфа к своему роману «Рождение героя»:

Я не знаю что там — за чертой.
Откуда явился герой;
Говорят — пустота,
Говорят — темнота,
Говорят, что родятся на свет,
Чтоб пред Богом держать ответ;
Но родиться так тоже могла б
Пустая, бездонная мгла
[15, с. 92].

Следующий за эпиграфом фрагмент романа, никогда целиком отдельно не опубликованного, передает поток внутренних переживаний русского эмигранта в Париже, случайно оказавшегося свидетелем автокатастрофы, в которой пострадал его отдаленный знакомый: он «и не подозревал, что есть в мире такой крик — не звериный — *человеческий*, от которого становится душно и так странно сжимается, точно падает куда-то сердце» [15, с. 97]; «...а между тем это “жаль” своим “острием”, своей болью было обращено не на чужую судьбу, а на его собственную»

[15, с. 98]. В образе персонажа романа А.В. Алферова — парижского эмигранта Валентина Егорова отчасти угадывается сам В.А. Мамченко, который как и герой романа «был в свое время матросом» [15, с. 94], а «неподатливость оформления только подчеркивала подлинность его натуры» [15, с. 93].

Между тем «толпа понемногу таяла. Гневные возгласы уступали место обыкновенной миролюбивой болтовне. Улица торопливо, с нескрываемой радостью одевалась в свои обычные цвета, напивалась прежними запахами и шумами. И только с открытки, прикрепленной к стеклу незадачливого “Ройса”, безутешно, виновато и жалко глядела на ротозеев — нежно-голубая Мадонна» [15, с. 100].

В данном отношении неслучайно упоминание К.Д. Померанцевым интереса В.А. Мамченко к племени «тевтонских мистиков»: «Он интересовался Яковом Беме и мейстером Экхартом. И если Мамченко занимался малярным делом, то Беме — сапожным ремеслом» [2, с. 65]. Именно «тевтонские мистики» провозглашали необходимость активной устремленности к Богу самого человека, а не тот вид богоискательства, сообразно которому человек пассивно ожидает сошествия Бога на себя.

«Явление героя» — заглавие, вполне достаточное для известного фрагмента романа А.В. Алферова. Герой Валентин Егоров представлен не в условно-эпической череде совершенных подвигов, а в момент, когда проецирует на самого себя «пустую бездонную мглу», охватившую другого, в то время как этот другой уже утратил возможность даже к ее ощущению. Мгновенно обретающая характер условности «нежно-голубая Мадонна» с открытки остается здесь не иллюстрацией привычного повседневного исповедания, а внезапной констатацией его тщеты, условностью, бесполезной перед подлинностью свершающегося. Вследствие этого «в голове молодого человека происходила странная и мучительная пертурбация: смерть из явления “научного”, “мертвого” превращалась в нечто совсем *живое*, которое “билось” где-то в собственном его сердце, и ему было страшно жить в этой близости к смерти и *совестно* <...> — как будто можно было ее предугадать, как будто смерть одного человека лишала других права на жизнь» [15, с. 98].

Согласно одному из основных постулатов мистического учения Майстера Экхарта (ок. 1260 — ок. 1328), а вслед за ним и других «тевтонских мистиков», богопостижение возможно исключительно через состояние отрешенности: «Человек, который вполне отрешен, настолько восхищен в вечность, что ничто преходящее не может уже заставить его почувствовать плотского волнения; тогда он мертв для земли, потому что ничто земное не говорит ему» [16, с. 57]. Так и В.А. Мамченко для постижения Бога требуется не только Бог — объект, но и действующий субъект — непосредственно живой человек, ко-

торый, лишь эмпатически переживая отрешенность другого, в данном случае являясь свидетелем смерти («пустоты» и «мглы» как тотальной отрешенности), способен уловить в этом явлении намек на божественное присутствие. Это ощущение неизбежно граничит с совестью, которая распадается здесь на первоначальное значение: «со-весть». Созерцатель в состоянии наблюдения и со-чувствия «пустоты» и «мглы» принимает «весть», «со-общение» о божественном присутствии. И в созерцателе в момент взгляда на эту сопряженную со страхом тотальную отрешенность рождается герой — результат «движения любви». Страх ведет к пробуждению от сна (еще одна заметная категория в религиозно-философской концепции В.А. Мамченко), и только пробуждение рождает из рядового человека «героя», движением любви прорвавшегося из тенет мирового кошмара (сна) к воссоединению с изначальным Богом.

Творчество В.А. Мамченко само подобно парадоксальной попытке поэта пробудиться от сна собственных стихов. К.В. Мочульский справедливо отмечал: «Стихи Мамченко напоминают записи снов: содержание их помнится смутно, но звуки и ритмы чего-то бывшего, реально пережитого преследуют поэта. И он пытается — с каким мучительным, судорожным усилием! — перевести эти ритмы на слова и образы» [17, с. 180]. «Во многом поэзия Мамченко близка по своим образам и способу их объединения бреду и сну» [13].

Значительная часть лирики В.А. Мамченко посвящена религиозно-философской категории совести в собственной интерпретации поэта. Его творчество охватывает почти полувековой период, обнаруживая тем самым интерес и важную задачу проследить наличие или отсутствие эволюции этой основной темы за большой отрезок времени.

В поэтическом наследии В.А. Мамченко, помимо отдельных стихотворений, присутствуют поэмы и стихотворные циклы. Они в первую очередь используются в настоящей статье в качестве материала, составляющего основу для раскрытия означенной темы. Предпочтение отдается поэмам и стихотворным циклам вследствие того, что в отличие от отдельных стихотворений они отчетливее структурированы автором.

ТЕМА СОВЕСТИ В ПОЭМАХ В.А. МАМЧЕНКО

Поэтическая стилистика В.А. Мамченко с течением времени претерпевала изменения: от тяготения к авангардистской форме и мистическому наполнению она от сборника к сборнику возвращалась к традиционной форме и содержанию более интимному, «камерному». В последней фазе творчества попытки философ-

ских обобщений в лирике В.А. Мамченко все более сменялись устремленностью к пейзажу — описанию городской и сельской среды, но пейзаж являлся наименее убедительной стороной его поэзии.

Уже современниками констатировался неровный характер творчества В.А. Мамченко. В частности, В.С. Яновский замечал: «Стихи его отметил Адамович, хотя были они неровны, невняты, и в ту пору, несмотря на всю напряженность *bonne volonté*², мало что выражали. Позже поэт стал ровнее, подучился ремеслу и языку и как-то утвердился на собственном месте. <...> Одни пробовали над ним смеяться (Ходасевич, Поплавский), а другие (большинство) его уважали, особенно люди с эстетическими тяготениями (Адамович, Мочульский, Гиппиус)» [18, с. 97]. Н.А. Оцуп выдавал иную, притом чрезвычайно емкую характеристику поэтики В.А. Мамченко: «Стиль Мамченко — гарантия его самобытности. Если он и соприкасается с чужими вдохновениями, то в своей поэзии-мысли-жизни он все преображает по своему, и всеобщее идет у него в обработку наравне с собственными находками, плаченными дорого. “Высокое косноязычье” поэта требует от читателя все меньше усилий, потому что светлеет глубина его лирики <...> Но приближаясь к законам обычной логики языка, Мамченко не уступает своих трудных особенностей, продолжает вести читателя к тому, к чему этого рода искусство не может не вести: к сотрудничеству, к ответному напряжению духовных сил» [14, с. 223].

Стилистические изменения в творчестве В.А. Мамченко происходят плавно, постепенно, хронологически, формируясь от одного сборника к последующему. Наблюдаются три основных стилистических пропорции в лирике В.А. Мамченко, получающие преобладание одна за другой: 1) «авангардистская» (абстракционистская/футуристическая) (сборники «Паузники», «Тяжелые птицы» [19]); 2) «высокое косноязычье» (приближающаяся к поэтике «парижской ноты») («Звезды в аду» [20], «В потоке света» [21], «Земля и лира» [22], «Певчий час» [23]); 3) «пейзажная» («Воспитание сердца» [24], «Сон в холодном доме» [25]).

Смещение от абстракции к конкретике как в языке и форме, так и в содержании наглядно демонстрируют две единственные поэмы В.А. Мамченко, созданные им с перерывом в 17 лет: «С голубой высоты» (1934) [19, с. 7–20] и «Босьяк» [22, с. 49–55]. Их ведущие мотивы схожи, различны лишь поэтические решения. Сюжет обоих произведений можно определить как состояние пребывания в пути, который совершается во сне. Обе поэмы представляют собой как бы череду сновидений, но если в поэме «С голубой высоты» нам не ведом сновидец (ведом лишь его

² Доброжелательность (франц.).

сон), то уже заглавие поэмы «Босяк» открывает перед нами главного персонажа, чьи сны представляют собой противоположность его скорбной яви. В поэме «С голубой высоты» образ сновидца сливается с главным героем его снов: перед нами некий пребывающий в пути всадник, чья дорога декорирована мистико-апокалипсическими образами:

Ездок увидел впереди —
Весь огненный, и смерчем стрел
Архангел на него смотрел,
Касаясь мечом груди.
И мера скользкая добра и зла
У ног архангела бряцала льдиной...
[19, с. 8].

«Апокалипсис» же бродяги-босяка — его подлинная неприглядная житейская действительность, довлеющая над сладостными, но вполне приземленными снами-мечтами:

Отражает свет зеркальный
Стол под скатертью овальный,
Жаром дышащий обед,
И улыбки, и наряды,
И глаза, что гостю рады...
Сам он празднично одет
[22, с. 50].

Мотив сновидения сменяется мотивом пробуждения как столкновения с собственным страхом: «Проснуться вдруг от удивленья к страху» [19, с. 15], но в каждой из поэм мотив пробуждения разрешается по-своему. У сновидца из произведения «С голубой высоты»:

Вот так, вдруг залетев в тупик,
Лишь пробуждается душа,
Чтоб видеть, как тоской велик
Земли перегруженный шаг
[19, с. 9].

Сновидец при этом остается в окружении мира собственных грез, который, обретая очертания все большего кошмара, лишь усиливает в созерцателе чувство присутствия. Босяк же из одноименной поэмы пробуждается от сменившегося кошмаром сладостного сна в свою еще более страшную действительность:

И земное сердце плачет,
Просыпается от сна
[22, с. 55].

И если в качестве итога преодоления экзистенциального ужаса сновидец сообретается в Боге через пейзаж достигнутого покоя:

Переполненной чашей цветов проливались сады,
И поля тяжелели колосьями росного хлеба;
Возвращался на землю с крутой высоты
Вечер синего неба
[19, с. 20],

то босяк находит себя в Боге посредством обыкновенной смерти, освобождающей от кошмара земного:

Звезды на небе бледнеют,
Стынет тело, руки млеют, —
Как прибитые к кресту...
[22, с. 54].

В обеих поэмах присутствует обращенность автора к читателю, которому предлагается возможность осмысления одного и того же мотива различными путями: мистическим и реалистическим. Читательское восприятие предполагает здесь ключевую роль, так как, по мысли В.А. Мамченко, наблюдатель, отмыкая совесть, преображается в непосредственного участника.

ТЕМА СОВЕСТИ В СТИХОТВОРНЫХ ЦИКЛАХ В.А. МАМЧЕНКО

Среди сочинений В.А. Мамченко присутствуют произведения, собранные поэтом в циклы. В них тема совести (как устремленности человека к божеству) разрешается в диапазоне от метафизического до реалистического. В его наследии прослеживается десять циклов стихотворений. Четыре из них представлены только в альманахах, и в отдельных поэтических сборниках В.А. Мамченко не воспроизводились: «Загорятся упорно глаза...», «За горой залегла последняя ночь...» [26, с. 21–22]; «Туманами образы от рая до ада...», «О тишине мельчайшего дробленья...», «Лес, вечер, покой...» [27, с. 14–15]; «Все равно, все умрем, как-нибудь!..», «Силится сердце жить!..» [28, с. 11–12]; «По юности — срывается и бьется тело...», «Пройди сквозь сон, пройди сквозь эту вечность...», «Не говори, заступница моя...» [29, с. 123–125]. Другие шесть циклов стихотворений В.А. Мамченко представлены в его сборниках: «Повесть» [19, с. 55–57]; «Трехстишие» [20, с. 5–7]; «1939 год» [20, с. 52–54]; «Утро», «Полдень», «Вечер», «Ночь» [21, с. 6–9]; «Бессонница» [22, с. 6–7] и «Земля» [22, с. 8–10].

В первых циклах (условно обозначим их как «ранние») преобладает сновидческий мотив невыделенности лирического героя из сна:

А потом иступленные сны
Звездападами в черное море,
Будут вязнуть криком лесным
В горе...

[26, с. 21];

Человеческий мост из сплетенных людей,
Прикрепленный к райскому дереву знания —
Стонал и метался под тяжестью сна...

[26, с. 22];

Туманами образы от рая до ада
Из болот до вершин...

[27, с. 14];

...Ум загнанный молитвою закован
И снится бунт ему о силе...

[27, с. 14];

Я наг, в темнице, голоден,
Стыну стиснутый сонной зимою...

[28, с. 11];

Пройди сквозь сон, пройди сквозь эту вечность...

[29, с. 123].

В отличие от поэтических циклов, представленных позже в сборниках, ранние циклы не имеют даже собственных заглавий, поэтика их отражает растворенность в непрерывном кружении во сне, в кошмарном бреду, в тумане. Ослаблена конкретика образа, поэтичность задается не столько словесно, сколько, напротив, точно бы случайными, «до-словесными» сочетаниями слов, преднамеренной (?) размытостью синтаксиса. Зримым итогом этого выступает намек, непроявленность, призрачность стиха, более напоминающего передачу не столько поэтической фигуры, сколько видения.

Циклы, представленные затем в сборниках, оформляются поэтом иначе: плавно начинает возникать конкретика, структура, хотя своего окончательного завершения так и не получает — но такова лирическая линия В.А. Мамченко в целом. Прежде всего, эти циклы имеют собственные названия. Как правило, размещаясь в начале или в конце сборников, композиционно циклы занимают позицию, открывающую или завершающую книгу, из чего следует, что автор усматривает в них особую значимость. Вместе с тем композиционно часть циклов здесь дополнительно обрамляется отдельными единичными стихотворениями, при вычленении которых усматривается их единый мотив. Так, после цикла «1939 год», формально завершающего сборник «Звезды в аду», следует финальное стихотворение данной книги «Царевна» [20, с. 55–60]. Цикл с условным названием «Утро», «Полдень», «Вечер», «Ночь», следующий в сборнике «В потоке света» вторым номером, пред-

варяется стихотворением «Зеленый свет, весна и ты в лесу...» [21, с. 5], а сборник «Земля и лира» открывается стихотворением «Когда и сновиденья чередой...» [22, с. 5], после которого следуют циклы «Бессонница» и «Земля».

Таким образом, три отдельных стихотворения («Царевна», «Зеленый свет, весна и ты в лесу...» и «Когда и сновиденья чередой...»), обрамляющие циклы, складываются в дополнительный сквозной цикл (метацикл), в тематике которого угадывается классическая аллегория «три возраста жизни»:

Расцветали кусты и трава в цветах,
И в небе любовь, и любовь на губах...

[20, с. 55]

— этот юношески романтический восторг в «Царевне» в стихотворении из следующего сборника сменяется ощущением взросления:

О, нежность детская, тебе вослед
Стремится все — и тьма, и свет,
И тишина среди распевных звонов.

Пройдите, годы, мимо, стороной, —
Вас много было ни живых, ни мертвых, —
Ведь день взошел сияющей страной...

[21, с. 5].

Последнее в этой череде стихотворение знаменует зрелость:

Когда и сновиденья чередой
Спешат уйти от скованной надежды,
Когда печаль предельною чертой
Глаза слепит, и тяжелеют вежды,

И память долго тихою рукою
Стучится вновь, у сердца замирая,
Тогда встает огромная, земная
Любовь — как свет, как огненный покой...

[22, с. 5].

Но возрасты жизни, по мысли В.А. Мамченко, в отличие от известной аллегории, не оканчиваются смертью при наличии единственно необходимого условия — созвучной с совестью любви лирического героя:

Враждебная к твоей холодной мгле —
Она с тобой везде в творящей воле...
Так — воин не один на ратном поле,
Когда за ним бессмертье на земле

[22, с. 5].

Условный цикл «Возрасты жизни» (где возраст — «время», а жизнь — «место») словно бы

сообщает выделенным ранее непосредственным циклам стихотворений В.А. Мамченко идентичные пространственно-временные координаты. Указания на временные координаты содержатся в названиях циклов «1939 год» и «Утро», «Полдень», «Вечер», «Ночь», а на пространственные — в заглавии цикла «Земля». Проблема хронотопа в оставшихся циклах, не содержащих в заглавиях указаний на пространственно-временные координаты («Повесть», «Трехстишие» и «Бессонница»), должна, следовательно, решаться, исходя из их общего содержания. Возможно, пространственно-временную направленность задают в них начальные строки.

В цикле «Повесть» наличие временных координат обозначается через слова «память», «годы», а пространственных — «...в белом городе», «море» и т. д. [19, с. 55].

Начало цикла «Трехстишие» явно выводит на передний план пространственные координаты:

Лети, лети высоко, радость птичья...
[20, с. 5].

Начало цикла «Бессонница» выводит вперед временные координаты:

Высокой тишиной, как в счастье,
Раскрыта ночь. Весна опять...
[22, с. 6].

Таким образом, в совокупности циклы стихотворений В.А. Мамченко задают определенную живую трехмерность: изменяемые от цикла к циклу пространство и время, окружающие сквозного лирического героя с его переживаниями и решениями. Константой при этом остается внутренняя совесть, которая, по мысли В.А. Мамченко, представляет собой единственное средство пробуждения ради достижения человеком Бога.

Заглавие цикла «Повесть» вступает в противоречие с поэтической формой, в которой он выполнен: повесть изначально является прозаической литературной формой. Так, поэтически восприимчивое молодое сердце каменеет от «взрослости хватки» [19, с. 55]. Но «проза» отменяется, когда оно впервые испытывает сопряженную со страданием любовь к женщине:

...Ее от небес оторвали,
Было страшно увидеть земной, —
А ее уже целовали...
[19, с. 56].

Первая любовь проходит, и вновь «проза» сменяет

Детскую ложь —
О часе
Счастья...

[19, с. 57].

И в финале поэтизм

Жили два ангела в небе,
И вдруг заблудились в дороге...
[19, с. 57]

сменяется «прозаической» констатацией:

Жили старик со старухой
У самого синего моря...
[19, с. 57].

В этом цикле три состояния лирического героя и его возлюбленной своеобразно согласуются с отмеченными ранее «тремя возрастами жизни человеческой»: невинные юноша и девушка — два ангела в расцвете любви — усталые от жизни старик и старуха. Финальные строки, отсылающие к начальным строкам пушкинской «Сказки о рыбаке и рыбке», заставляют вспомнить и последние ее строки: «На пороге сидит его старуха, / А перед нею разбитое корыто», выражая окончание счастья и вину в этом тех, кто стремлением к нему злоупотреблял.

И здесь в игру вступает совесть. В следующем цикле «Трехстишие» совесть лирического героя выражена мотивом достижения счастья, но уже с последующим осознанным его отвержением ради пробуждения души, обусловленного трагическим падением на дно. И там, где терпит крушение рассудок, взлет набирает любовь. И противоположно тому, как в предыдущем цикле

...Любовь — только бездну искала
У моря на скалах
[19, с. 56],

здесь:

Рассудок царственно, величьем равнодушья
Чуть смысл глуша,
Глядит и ждет — когда падет в удушья
Его душа <...>
Лети, лети к себе, любовь взметенная,
От тела прочь...
[20, с. 7].

1939 год — начало Второй мировой войны, которая ассоциируется у поэта с тем самым дном падения, с самой преисподней, где

На земле чудовищные духи
В сталь ковали огненные плети,

И крестились замертво старухи,
И бледнели мужественно дети...
[20, с. 53].

Лирический герой стремится занять личную позицию вопреки окружающему его ужасу:

Не все равно, — от ада и до рая
Тревогу сил жестоко сберегу;
Такое дело мне, что, телом догорая,
Горит распятый день на скользком берегу...
[20, с. 54].

Установка лирического героя — не отдавшись равнодушию, ослабляющему ощущение ужаса и неопределенности, пройти этот кошмар, пусть догорая (умирая) телом, но оживая душой, победоносно восходящей из преисподней к претерпевшему распятие Христу.

Следующий цикл «Утро», «Полдень», «Вечер», «Ночь» видится своеобразной иллюстрацией безмятежного отдохновения лирического героя после распятия и ужасов преисподней, словно мир обновлен по истечении конца времен. В этом цикле доминирует пейзажность, которая со временем занимает в лирике В.А. Мамченко все большее место. И только стихотворение «Ночь», вторгаясь в череду раздумий лирического героя в часы его покоя, отражает предвестие новой тревоги:

Не легче, нет, — забвение не там,
Еще острее о земном тревога, —
Не может быть, чтобы наследство Бога
Должно изжить как полевым цветам
[21, с. 9].

В этом нарушающем идиллию состоянии лирического героя посещает бессонница — таково и заглавие следующего поэтического цикла В.А. Мамченко. Все еще томный окружающий мир обращается к герою через слово «дитя», так как он снова является ребенком в обновленном после истечения времен мире:

Усни дитя. Земля ночная
Во сне с тобою говорит.
Я тоже думаю, мечтая,
Что все печальное сгорит
[22, с. 6].

Но, как отмечалось, по мысли В.А. Мамченко, сопряженной с детством категорией выступает совесть. И сообразно совести «дитя» отвечает:

Мне спать нельзя, еще не время, —
Звезда востока не пришла...
[22, с. 6].

Таким образом, пространство и время, а вместе с ними и замкнутый в них лирический герой, преодолев виток, начинаются сначала. Но он, вооруженный предыдущим опытом, здесь выступает уже на новом, высшем уровне, слыша собственный внутренний голос, сулящий предотвращение прежних падений:

Поверь, дитя, здесь будет мир
Прекраснее твоих видений,
Взлетишь до счастья, без падений,
На зов благословенных лир
[22, с. 7].

Последний поэтический цикл «Земля» заставляет думать, что «Бессонница» являлась испытанием для совести лирического героя. В нем мир по-прежнему новорожден, но главный персонаж, выдерживая проверку по отношению к этому новому миру, остается не тождественным, а уже пробужденным, и, следовательно, ему не нужны новые потрясения на земле, над которой

...Горит, порою
Как любовь и как весна, —
Человеческой зарею
Пробуждение от сна
[22, с. 8].

Таким образом, лирический герой из временных состояний (возрастов жизни), характеризующихся обретением все нового и нового опыта, преодолевает здесь всякую довлеющую над собой временность, так как на новом витке благополучно использует опыт, которым заручился на предыдущем. Умелое использование этого «надвременного» опыта содействует вступлению главного героя из времени в вечность:

Прими прозрачное сиянье
Весны склоненной над тобой, —
Она летела на свиданье
Уже над мертвою судьбой
[22, с. 9].

Судьба как временная категория преодолена, а в образе прозрачной весны угадывается вечность. Земля вступает в согласие с душой лирического героя, ее полет более не связан с ужасом, тихий сон на этой земле не сопряжен с омертвением души и сердца:

Летит земля средь звезд, не заглушая
Биенье сердца голубого сна
[22, с. 10].

Но совесть отрицает эгоцентризм: «Спасись сам, и вокруг тебя спасутся тысячи» (преподобный Сера-

фим Саровский). Так, главный персонаж, не ограничиваясь собой, являет в собственном лице благоговение всем, пребывающим на земле:

Какая нежность в предрассветной ночи,
И как уверенно душа летит...
Раскрой, дитя, возлюбленные очи, —
Земное царство на тебя глядит
[22, с. 10].

ПРОНЗИТЕЛЬНЫЕ ФОРМУЛЫ В.А. МАМЧЕНКО

«О, сложность трудная в простых словах! / Ты мне дороже ясности небесной...» — признавался В.А. Мамченко в одном из поздних своих стихотворений [25, с. 31].

«У Мамченко репутация трудного поэта, стоящего как бы в стороне от основного течения “парижской” поэзии. <...> Излагать содержание стихов Мамченко труд неблагодарный. Его мир настолько “монаден”, что проникнуть в него почти не удастся, хотя поэт вовсе не закрывает дверь и сам, видимо, хочет общения. Подлинность этого мира вне сомнения, но его облик не получает достаточно четкого словесного выражения», — отмечал В.Ф. Марков [30, с. 97]. Подобные черты наблюдала и З.Н. Гиппиус: «Мамченко говорит о своем Непонятном — непонятно. Но оно “с большой буквы”, а если он не находит для него ни верных форм, ни нужных слов и звуков, остается с ним в бесчеловечном “наедине”, — подождем искать причины в его словесном “немастерстве”» [31, с. 467].

«Темный язык», в пределах которого допускаются множественные интерпретации, занимает свою нишу в поэзии со времен Луиса де Гонгоры (1561–1627) и Джона Донна (1572–1631). «Темным» справедливо усматривать и поэтический язык В.А. Мамченко, по крайней мере той части его творчества, где автор свободен от неубедительных попыток «самоопрощения». Тогда сквозь подверженные произвольной трактовке строфы всплывают отдельные пронзительные формулы:

Все по-иному шелестел
Живого Бога свет,
И обезумевший ответ
Метался на кресте...
[19, с. 48];

Чтоб торжественно сияли
Звезды в мертвенном пути —
Для того ль тебя распяли,
Сердце, на земной груди
[20, с. 13];

Слезы страшные помогут
Дописать живому Богу
Мертвый образ Рождества
[25, с. 21] и др.

Постоянный художник-оформитель обложек поэтических сборников В.А. Мамченко Федор Степанович Рожанковский (1891–1970) создал, по сути, единственную иллюстрацию к его стихотворениям: она воспроизведена на 4-й странице обложки сборника «Звезды в аду» (рис. 2) и могла бы иметь аналогичное название. В иллюстрации видится особый смысл, совпадающий со смыслами выделенных выше «ударных» поэтических формул В.А. Мамченко: бесконечное черное небо как состояние сна, нависающее над алым пламенем ада и разрываемое исходящими из преисподней искрами звезд — попытками пробуждения души, уколами совести. Вся композиция заключена в форму эллипса, напоминающего универсальный мифопоэтический символ вселенского яйца, из которого рождается мир. Показательно, что выделенные из различных сборников наиболее сильные поэтические фразы В.А. Мамченко, точно шоковым эффектом пронзающие путанность и туманность множества прочих его «сновидческих» полотен, основным своим мотивом с поразительным постоянством несут осознание лирическим героем собственной и вселенской покинутости Богом.

Возврат человека к Богу (путь движения любви, обретающий свои метафизические и реалистические пространственно-временные координаты) начинается с момента, когда пребывающая во сне душа растревоживается чувством мистического ужаса от осознания богооставленности и мирового зла. Желание души пробудиться, наталкиваясь на необоримый ужас от осознания самого пробуждения, приводит к поиску окольных путей или же покоя, неизменно

Рис. 2. Ф.С. Рожанковский.
Иллюстрация к книге В.А. Мамченко «Звезды в аду».
Четвертая страница обложки [20]

возвращающего в состояние сна среди господствующего зла в покинутых Богом мире и душе.

Ложное пробуждение оборачивается падением в ужас, еще более значительный оттого, что душа испытывает его уже отчетливее наяву. Все окольные попытки пробудиться обречены терпеть сокрушительный крах до тех пор, пока душой не овладеет понимание, что пробуждение возможно только в обретении себя в Боге, а следовательно, в отрешенности от всего, что Бога собой не являет. В игру, таким образом, вплетается мотив смерти, означающей в конечном счете «умирание души из всего, что не Бог». Этот шаг может воплощаться и через внутреннее переживание смерти ближнего, непосредственным виновником которой оказывается бессильный ее упразднить наблюдатель.

Три основных состояния души лирического героя — чувство мистического ужаса при первичном осознании выделенности из сна, первое ложное пробуждение и, наконец, отрешенность-смерть как подлинное пробуждение к жизни в Боге — соответствуют классической аллегории «три возраста жизни человеческой». Они подразумевают рождение как выделение из небытия, взросление, сопряженное с метаморфозами ложных пробуждений, и зрелость как освобождение от иллюзий и признание высшей любви. Итогом верно пройденного пути мыслится вступление преодолевшего судьбу (череду иллюзий в пространстве временной жизни) человека в вечность и сообретение его с Богом. Человеческая душа, встающая на означенный путь, по терминологии В.А. Мамченко, называется героем. А содействующий герою на его пути движения любви внутренний стержень, посох, восприимчивый компас — совесть. Этим объясняется то, что категория совести в лирике В.А. Мамченко является сквозной, сопутствуя всем стадиям движения любви, осуществляемого героем.

Как и любое отмеченное значительной временной протяженностью творческое явление, лирика В.А. Мамченко неизбежно претерпевала с ходом десятилетий разноплановые изменения — стилистические, тематические и идейные. Ранняя его поэзия в конечном счете нашла сравнение не просто с абстрактным авангардизмом, а с «духом немецких экспрессионистов» [32, с. 858], явление которых представляет общий для своих представителей узнаваемый стиль. Впоследствии поэт предпринял попытки вернуться на традиционные основы, «упростить стихотворную форму, в том числе поэтический синтаксис» [32, с. 860]. Но в его случае это зачастую приводило к тому, что стиховые конструкции, при большей поэтической герметичности казавшиеся «высоким косноязычьем», с упрощением обретали вид косноязычия обыкновенного. На этом стыке дальнейшая поэтика В.А. Мамченко стабильно характеризуется устойчивыми наличи-

ями единичных неповторимых подлинно поэтических оборотов в обрамлении многоречивых и зачастую малопонятных строк.

Устремленность В.А. Мамченко к поэтическому опрощению затронула не стилистику, а тематическую сторону стиха, все далее крени ее от глубинных философских обобщений в чистую пейзажность, для полноценного изображения которой автору недоставало соответствующего амплуа. Описание природы, характерное для поздней лирики В.А. Мамченко, провисает между отдельными ударными местами наравне с той малохудожественной многословностью, все содержание которой зачастую и составляет. Таким образом, в качестве наиболее сильных мест в поэзии В.А. Мамченко остается выделить философские обобщения, выражаемые отдельными яркими поэтическими оборотами и затрагивающие идейную составляющую его творчества, развитие которого прослежено здесь на примере темы совести.

Список источников

1. Гиппиус З.Н. Стихотворения / [вступ. ст., сост., подгот. текста и примеч. А.В. Лаврова]. Санкт-Петербург : Академический проект, 1999. 589 с.
2. Померанцев К.Д. Виктор Андреевич Мамченко // Сквозь смерть : воспоминания = Literary and Political Reminiscences / вступ. ст. Б. Филиппова. London : Overseas Publications Interchange, 1986. 192 с.
3. Софиев Ю.Б. Синий дым / сост. Н. Черновой. Алматы : [Б. и.], 2013. 244 с. URL: <https://biography.wikireading.ru/41216> (дата обращения: 31.10.2021).
4. Якорь : антология зарубежной поэзии / сост. Г.В. Адамович и М.Л. Кантор ; предисл. Г.В. Адамовича. Берлин : Петрополис, 1936. X, 242 с.
5. Эстафета : сборник стихов русских зарубежных поэтов / ред. И. Яссен, В. Андреев, Ю. Терапиано. Париж ; Нью-Йорк : [Дом книги], 1948. 183 с.
6. На Западе : антология русской зарубежной поэзии / сост. и авт. предисл. Ю.П. Иваск. Нью-Йорк : Изд-во им. Чехова, 1953. 398 с.
7. Муза диаспоры : избранные стихи зарубежных поэтов, 1920—1960 / под ред. и со вступ. ст. Ю.К. Терапиано. [Франкфурт-на-Майне] : Посев, 1960. 360 с.
8. Содружество: из современной поэзии Русского Зарубежья / сост. и предисл. Т.П. Фесенко. Вашингтон : Изд-во Русского книжного дела в США : Victor Kamkin, 1966. 559 с.
9. Мамченко В.А. Поэзия / вступ. ст. Ю. Манийчука. Нью-Йорк : [б. и.], 2006. 236 с.
10. Терапиано Ю.К. Литературная жизнь русского Парижа за полвека (1924—1974) : эссе, воспоминания, статьи = Half-a-century of the literary life of Russian Paris (1924—1974). Париж : Альбатрос ; Нью-Йорк : Третья волна, 1987. 352 с.
11. Мамченко В.А. Движение любви // Литературный смотр : свободный сборник / ред.: З. Гиппиус, Д. Мережковский. 2-е изд. New England : Holyoke, 1983. 127 с.

12. *Терапиано Ю.К.* «Смотр»: (Из моего литературного архива) // Грани : журнал литературы, искусства, науки и общественно-политической мысли / гл. ред. Е.Р. Романов. Франкфурт-на-Майне : Посев, 1958. [№] 39. 235, [5], XVI с.
13. *Бем А.Л.* О бессмыслице в поэзии: (Виктор Мамченко, Тяжелые птицы...) : [рецензия]. URL: http://www.mochola.org/russiaabroad/bem/bem51_mamchenko.htm (дата обращения: 31.10.2022).
14. *Оцуп Н.А.* В потоке света : [рецензия] // Новоселье : литературно-художественный журнал / под ред. С. Прегель. Paris : [Б. и.], 1950. № 42–44. С. 222–223.
15. *Алферов А.В.* Рождение героя: (Отрывок из романа) // Круг : альманах. Берлин : Парабола, [1937]. Кн. 2. 176 с.
16. *Экхарт М.* Об отрешенности // Духовные проповеди и рассуждения / пер. со средневековья. и вступ. ст. М.В. Сабашниковой. Москва : Мускетер, 1912. С. 53–67.
17. *Мочульский К.В.* Виктор Мамченко. «Тяжелые птицы» : [рецензия] // Круг : альманах. Берлин : Парабола, [1936]. Кн. 1. С. 179–180.
18. *Яновский В.С.* Поля Елисейские : книга памяти / предисл. С. Довлатова. Санкт-Петербург : Пушкинский фонд, 1993. 276 с.
19. *Мамченко В.А.* Тяжелые птицы : стихи. Париж : Изд-во Объединения поэтов и писателей, 1936. 61 с.
20. *Мамченко В.А.* Звезды в аду / обл. Ф.С. Рожанковского. Париж : [б. и.], [1946]. 60 с.
21. *Мамченко В.А.* В потоке света / обл. Ф.С. Рожанковского. Париж : [б. и.], 1949. 58 с.
22. *Мамченко В.А.* Земля и лира / обл. Ф.С. Рожанковского. Париж : [б. и.], 1951. 61 с.
23. *Мамченко В.А.* Певчий час. Париж : Рифма, 1957. 46 с.
24. *Мамченко В.А.* Воспитание сердца. Париж : G. Gerell, 1964. 51 с.
25. *Мамченко В.А.* Сон в холодном доме. Париж : G. Gerell, [1970]. 41 с.
26. *Числа : сборник* / под ред. Н. Оцупа. Paris : [б. и.], 1931. Кн. 5. 301 с.
27. *Числа : сборник* / под ред. Н. Оцупа. Paris : [б. и.], 1933. Кн. 7–8. 294 с.
28. *Числа : сборник* / под ред. Н. Оцупа. Paris : [Б. и.], 1934. Кн. 10. 302 с.
29. *Круг : альманах.* Париж : Дом Книги, 1938. Кн. 3. 186 с.
30. *Марков В.Ф.* Виктор Мамченко. Певчий час : [рецензия] // Опыты : литературный журнал / под ред. Ю.П. Иваска. Нью-Йорк : [б. и.], 1958. Кн. 9. 134 с.
31. *Гиппиус З.Н.* В. Мамченко. Тяжелые птицы. — Л. Савинков. Аванпост : [рецензия] // Современные записки : общественно-политический и литературный журнал. Париж : [б. и.], 1936. № 61. 478 с.
32. *[Андрющенко Е.]* Другие поэты «старшего» и «младшего» поколений поэтов русской эмиграции первой волны : электронное приложение // История русской литературы XX — начала XXI века : учебник для вузов в трех частях / сост. и науч. ред. В.И. Коровин. Москва : Владос, 2014. Ч. 2: 1925–1990 годы. 511 с. + 1 эл. опт. диск (CD-ROM). 1743 с.

The Category of Conscience in the Works of V.A. Mamchenko (By Foreign Publications)

Nikolay N. Nosov

Russian State Library, 3/5, Vozdvizhenka Str., Moscow, 119019, Russia

ORCID 0000-0001-6079-2677; SPIN 7786-8622

E-mail: Nossov1984@mail.ru

Abstract. *The article is devoted to the work of the Russian poet of the first wave of emigration Viktor Andreyevich Mamchenko (1901–1982), reflected in his foreign publications in Russian. Returning the name of this author, now half-forgotten in his homeland, to culture and introducing him into literary circulation, the article is the first attempt to reveal the originality of V.A. Mamchenko's creative thought, based on the poet's religious, philosophical and moral searches. The object of the research is the foreign publications of V.A. Mamchenko's artistic works in individual books and almanacs published in France and identified from the catalogs of leading Russian libraries (the Russian State Library, the Alexander*

Solzhenitsyn House of Russia Abroad). The memoirs and reviews of V.A. Mamchenko's contemporaries served as auxiliary material for the study. The article reveals the key milestones in the poet's biography, which contributed to the formation of his creative style. There is traced the evolution of V.A. Mamchenko from the futuristic tendencies of the early period to the "high tongue-tie" and dissolution in the landscape of the middle and late periods of his creativity. There are identified the main moral-philosophical, God-seeking, religious and mystical categories, which were incorporated in the works of V.A. Mamchenko, who had been developing them for half a century. One of the key categories is conscience, which, according to V.A. Mamchenko, unites moral, philosophical and religious principles, permeating all the milestones of his work. Particular attention is paid to the individual works of V.A. Mamchenko — articles, poems, poetry cycles — as the most structured by the poet. Their chronological examination and comparison in the context of the main categories highlighted by the poet (hero, God, fear, death, conscience, awakening) allow to observe the vector nature of V.A. Mamchenko's creativity, presented as an illustration of the soul's path (the movement of the hero's love) to God, where conscience acts as an accompanying inner core and compass.

Key words: Russian literature abroad, emigration, poets, poetry, religion, mysticism, dream, awakening, fear, conscience.

Citation: Nosov N.N. The Category of Conscience in the Works of V.A. Mamchenko (By Foreign Publications), *Observatory of Culture*, 2022, vol. 19, no. 6, pp. 634–646. DOI: 10.25281/2072-3156-2022-19-6-634-646.

References

- Gippius Z.N. *Stikhotvoreniya* [Poems]. St. Petersburg, Akademicheskii Proekt Publ., 1999, 589 p.
- Pomerantsev K.D. Viktor Andreyevich Mamchenko, *Skvoz' smert': vospominaniya* [Literary and Political Reminiscences]. London, Overseas Publications Interchange, 1986, 192 p. (in Russ.).
- Sofiev Yu.B. *Sinii dym* [Blue Smoke]. Almaty, 2013, 244 p. Available at: <https://biography.wikireading.ru/41216> (accessed 31.10.2021).
- Adamovich G.V., Kantor M.L. (comps.) *Yakor': antologiya zarubezhnoi poezii* [Anchor: Anthology of Foreign Poetry]. Berlin, Petropolis Publ., 1936, X, 242 p.
- Yassen I., Andreev V., Terapiano Yu. (eds.) *Estafeta: sbornik stikhov russkikh zarubezhnykh poetov* [Relay: A Collection of Poems by Russian Foreign Poets]. Paris, New York, 1948, 183 p.
- Ivask Yu.P. (comp.) *Na Zapade: antologiya russkoi zarubezhnoi poezii* [In the West: An Anthology of Russian Foreign Poetry]. New York, Imeni Chekhova Publ., 1953, 398 p.
- Terapiano Yu.K. (ed.) *Muza diaspor: izbrannye stikhi zarubezhnykh poetov, 1920–1960* [The Muse of the Diaspora: Selected Poems of Foreign Poets, 1920–1960]. Posev Publ., 1960, 360 p.
- Fesenko T.P. (comp.) *Sodruzhestvo: iz sovremennoi poezii Russkogo Zarubezh'ya* [Commonwealth: From the Modern Poetry of the Russian Emigration]. Washington, Russkogo Knizhnogo Dela v SSHA Publ., Victor Kamkin Publ., 1966, 559 p.
- Mamchenko V.A. *Poeziya* [Poetry]. New York, 2006, 236 p.
- Terapiano Yu.K. *Literaturnaya zhizn' russkogo Parizha za polveka (1924–1974): esse, vospominaniya, stat'i* [Half-a-Century of the Literary Life of Russian Paris (1294–1974)]. Paris, Al'batros Publ., New York, Tret'ya Volna Publ., 1987, 352 p.
- Mamchenko V.A. The Movement of Love, *Literaturnyi smotr: svobodnyi sbornik* [Literary Review: free collection]. New England, Holyoke Publ., 1983, 127 p. (in Russ.).
- Terapiano Yu.K. "Review": (From my Literary Archive), *Grani: zhurnal literatury, iskusstva, nauki i obshchestvenno-politicheskoi mysli* [Facets: magazine of literature, art, science and socio-political thought]. Frankfurt am Main, Posev Publ., 1958, 39, 235, XVI p. (in Russ.).
- Bem A.L. *O bessmyslitse v poezii: (Viktor Mamchenko, Tyazhelye ptitsy...)* [About Nonsense in Poetry: (Viktor Mamchenko, Heavy Birds...)]. Available at: http://www.mochola.org/russiaabroad/bem/bem51_mamchenko.htm (accessed 31.10.2022).
- Otsup N.A. In the Stream of Light, *Novosel'e: literaturno-khudozhestvennyi zhurnal* [Housewarming: literary and artistic magazine]. Paris, 1950, no. 42–44, pp. 222–223 (in Russ.).
- Alferov A.V. The Birth of a Hero: (A Fragment from the Novel), *Krug: al'manakh* [Circle: almanac]. Berlin, Parabola Publ., book 2, 176 p. (in Russ.).
- Eckhart M. About Estrangement, *Dukhovnye propovedi i rassuzhdeniya* [Spiritual Sermons and Thoughts]. Moscow, Musaget Publ., 1912, pp. 53–67 (in Russ.).
- Mochulsky K.V. Victor Mamchenko. "Heavy Birds", *Krug: al'manakh* [Circle: almanac]. Berlin, Parabola Publ., book 1, pp. 179–180 (in Russ.).
- Yanovsky V.S. *Polya Eliseiskie: kniga pamyati* [Elysian Fields: The Book of Memory]. St. Petersburg, Pushkinskii Fond Publ., 1993, 276 p.
- Mamchenko V.A. *Tyazhelye ptitsy: stikhi* [Heavy Birds: poems]. Paris, Ob'edineniya Poetov i Pisatelei Publ., 1936, 61 p.
- Mamchenko V.A. *Zvezdy v adu* [Stars in Hell]. Paris, 60 p.
- Mamchenko V.A. *V potoke sveta* [In the Stream of Light]. Paris, 1949, 58 p.
- Mamchenko V.A. *Zemlya i lira* [Earth and Lyra]. Paris, 1951, 61 p.
- Mamchenko V.A. *Pevchii chas* [Singing Hour]. Paris, Rifma Publ., 1957, 46 p.
- Mamchenko V.A. *Vospitanie serdtsa* [Educating the Heart]. Paris, G. Gerell Publ., 1964, 51 p.
- Mamchenko V.A. *Son v kholodnom dome* [Dreaming in a Cold House]. Paris, G. Gerell, 41 p.
- Otsup N.A. (ed.) *Chisla: sbornik* [Numbers: collection]. Paris, 1931, book 5, 301 p.
- Otsup N.A. (ed.) *Chisla: sbornik* [Numbers: collection]. Paris, 1933, book 7–8, 294 p.
- Otsup N.A. (ed.) *Chisla: sbornik* [Numbers: collection]. Paris, 1934, book 10, 302 p.
- Krug: al'manakh* [Circle: almanac]. Paris, Dom Knigi Publ., 1938, book 3, 186 p.
- Markov V.F. Viktor Mamchenko. Singing Hour, *Opyty: literaturnyi zhurnal* [Experiments: literary magazine]. New York, 1958, book 9, 134 p. (in Russ.).
- Gippius Z.N. V. Mamchenko. Heavy Birds. — L. Savinkov. Outpost, *Sovremennye zapiski: obshchestvenno-politicheskii i literaturnyi zhurnal* [Modern Notes: socio-political and literary journal]. Paris, 1936, no. 61, 478 p. (in Russ.).
- Korovin V.I. (ed.) Other Poets of the "Older" and "Younger" Generations of Poets of the Russian Emigration of the First Wave: electronic application, *Istoriya russkoi literatury XX — nachala XXI veka: uchebnyk dlya vuzov v trekh chastyakh* [The History of Russian Literature of the 20th — Early 21st Century: textbook for universities in three parts]. Moscow, Vlos Publ., 2014, part 2: 1925–1990, 511 p. + 1 CD-ROM, 1743 p. (in Russ.).